

**ТАЙНЫ
ЗЕМЛИ РУССКОЙ**

**ГОСУДАРЕВЫ
ОЛЬНОДУМЦЫ**

ГОСУДАРЕВЫ ОЛЬНОДУМЦЫ



Трудный выбор
владыки Геннадия
Салон Федора Курицына
Дело врача
Еретик в митре
Несостоявшееся
Светопреставление
Аутодафе по-русски

В.Г. СМИРНОВ

В.Г. СМИРНОВ



В.Г. Смирнов

**ГОСУДАРЕВЫ
ВОЛЬНОДУМЦЫ**

ЗАГАДКА РУССКОГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ



Москва
«Вече»

УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)43
С50



*Автор благодарит Марину Яшину
за подготовку иллюстративного ряда книги*

Смирнов, В.Г.
С50 Государевы вольнодумцы. Загадка Русского Средневековья / В.Г. Смирнов. — М. : Вече, 2011. — 256 с. : ил. — (Тайны Земли Русской).

ISBN 978-5-9533-2743-5

Ересь «жидовствующих» считается одним из самых загадочных явлений Русского Средневековья. Многие историки задавались вопросом, как в такой сугубо православной стране — России XV века — могло возникнуть еретическое движение, захватившее высшие круги власти, посеявшее сумятицу в душах простых людей и завершившееся показательными казнями на городских площадях? Историк и писатель Виктор Смирнов пытается непредвзято разобраться в этом непростом эпизоде русской истории, где политика теснейшим образом соединилась с религией.

**УДК 94(47)(091)
ББК 63.3(2)43**

ISBN 978-5-9533-2743-5

© Смирнов В.Г., 2011
© ООО «Издательский дом «Вече», 2011



ском смысле. Таким образом, если не для переубеждения евреев, то для православных, стоящих на церковной почве текста LXX¹, темпераментная и яркая полемика Иосифа была исключительно ценной.

И. Хрущев².

**«ИССЛЕДОВАНИЕ О СОЧИНЕНИЯХ ИОСИФА САНИНА,
ПРЕПОДОБНОГО ИГУМЕНА ВОЛОЦКОГО»**

Иосиф в борьбе с ересью

Иосифов монастырь зачался в самые тяжелые для Новгорода годы. Это было, как мы видели выше, в 1479 (6987) году, в июне, в период между третьим и четвертым походом Ивана III на Новгород, вскоре по низложению Борецких и уничтожении Веча.

Последний из владык, избранных самими новгородцами, Феофил принимал в том году участие в попытке новгородцев восстановить свои древние права. В это смутное время Иосиф получил от него благословение на устройство монастыря и постройку в нем церкви, так как в то время иерархическая власть архиепископа еще простиралась на бывшие новгородские владения в уделе князя Бориса Васильевича Волоцкого.

В августе освятил Иосиф первую деревянную церковь в честь Успения Божией Матери.

В октябре, когда настал 6988 год, Иван III предпринял свой последний поход на Новгород, а в январе (1480) Феофил был отвезен в Москву, где и принужден был дать отреченную грамоту. В феврале того же года покровитель, князь Борис Васильевич, идя войной на великого князя Московского, выступил из Волоколамска с княгиней и со всем своим домом, с множеством ратных людей в Углич, для соединения с братом своим Андреем Углицким. В Москве были заняты ссорой великого князя с бра-

¹ То есть Септуагинты. — *Примеч. ред.*

² Иван Петрович Хрущев (1841—1904) — известный филолог, историк русской литературы, этнограф. Его книга «Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого», глава, из которой воспроизводится здесь, опубликована в 1868 г. в Санкт-Петербурге. Это была магистерская диссертация ученого. — *Примеч. ред.*



тьями, потом (в июле) пронесся слух о нашествии Ахмата, а Новгород все еще оставался без иерарха. В декабре 1480 года Борис Васильевич возвратился домой с удачей: примирившийся с ним Иван Васильевич придал ему села, принадлежавшие дяде их по матери, Василию Ярославичу Серпуховскому. Тогда и монастырь Иосифов получил село Отчищево от Бориса Васильевича. С увеличением средств должна была сказаться зависимость монастыря от архиепископа, его бояр и десятильников. В октябре 1483 года заложил Иосиф каменную церковь в монастыре своем и только за месяц до этого, отмеченного в житиях события, поставлен был в Москве преемник Феофилу.

По новгородскому обычаю в Москве метали жребий, кому из троих предназначенных быть архиепископом Великого Новгорода. Жребий пал на старца Троице-Сергиевой обители Сергия, который прежде того был протопопом Успенского собора в Москве. Но этот первый из присланных в Новгород владык был не совсем благосклонно принят новгородцами. Менее чем через год (в июне 1484) Сергий, расстроенный физически и нравственно, оставил архиепископство. Потрясенному Новгороду нужен был на первый раз в архиепископы человек стойкий и деятельный. При избрании Сергия одним из назначавшихся в архиепископы был Чудовский архимандрит Геннадий, но жребий тогда не пал на него; теперь он был назначен без жребия (12 декабря 1484 г.).

Ничего не известно нам о происхождении Геннадия, кроме его прозвания — Гонзов.

Между Иосифом и Геннадием была связь через Кутузовых, помещиков и вотчинников волоколамских. Когда митрополит Геронтий посадил Геннадия, еще архимандрита, в ледник за самовольное разрешение пищи накануне Богоявления, защитниками последнего являются Борис Васильевич Кутузов и двоюродный брат его Юрий Шестак. Некоторые из Кутузовых служили у Геннадия в боярах (братья Бориса Васильевича, Константин и Михайло [Клеомпа] Васильевичи Кутузовы). Село Чемово, в Рузе, о котором сказано было выше, могло быть собственностью Геннадия, который отдал его монастырю. Поэтому назначение Геннадия было в высшей степени благоприятно для Иосифа. Перечисляя крупные вклады в монастырь свой, Иосиф в числе первых благодетелей упоминает Геннадия «исчести не мочно его жалованья»...



Жития свидетельствуют, что Геннадий сделал его начальником, вроде благочинного, над окружными монастырями. «Геннадие, — сказано в одном из них, — любяше и зело и часто к нему посылаше и не близ его сущу, яко от пятисот попришь отстоящу, обаче его епископия сущи». Но не одни дружественные отношения связывали Геннадия: они оба вскоре сделались главными деятелями в борьбе с еретиками.

Прежде чем начнем говорить об этом последнем деле, остановимся еще несколько на Геннадии. В летописи в первый раз говорится о нем, как об архимандрите Чудовского монастыря, по поводу спора о хождении по солонь.

В этом споре, любопытном для характеристики времени и самих споривших, Геннадий говорил против митрополита Геронтия и был заодно со знаменитым Вассианом Рыло. «Митрополит свидетельство приводя, егда престол диакон кадит в олгаре на правую руку ходит с кадилом; а они свидетельства ни коего не приношаху, но глаголаху: солнце праведное Христос на ада наступи и смерть связа и души свободи, и того ради, рече, исходят на Пасху, тоже прообразуюсь на утрении». Таким образом, мнение Геннадия и Вассиана как будто было осмыслено, тогда как митрополит Геронтий основывался только на свидетельстве внешнем. Мнение о том, что надо ходить по солнцу, было возбуждено некоторыми посетившими Афонскую гору и было признано Геронтием как опасная новизна. Этот спор происходил летом 1479 года при освящении только что отделанного Аристотелем Фиораванти Успенского собора. С небольшим через два года, в октябре 1481 года, спор этот был возобновлен, а митрополит не хотел уступить, оставил посох в церкви и уехал на Симоново с мыслию снять сан свой, если князь великий «не добьет челом». Летопись передачу сведений об этом споре начинает такими словами: «Того же лета бысть распря митрополиту с великим князем... Но вси священники, и книжники, и иноки, и миряне по митрополите глаголаху, продолжает летописец, а по великом князе мало их, един владыка Ростовской князь Асаф, да архимандрит Чюдовской Генадей». Таким образом, на стороне Геронтия было большинство; на стороне великого князя преемник Вассиана Рыло, Иоасаф Оболенский и тот же Геннадий.

Но князь великий помирился с митрополитом, ездил к нему на Симонове, упрасивал возвратиться на престол, обещал слушаться его и не



противоречить ему «в хождении, яко же велит, как было в старину». Митрополит же, возвратившись в Москву, нашел случай отомстить Геннадию. Геннадий разрешил в сочельник Крещенский в своем монастыре пить и есть до Богоявленской воды, по той причине, что день этот пришелся в воскресенье. Сам летописец говорит, что Геннадий не поступил против устава, так как в уставе указано есть в таком случае по ломтю хлеба и пить по чаше вина, но не сказано когда: перед вечернею или после Богоявленской воды. Митрополит послал взять Геннадия под стражу, но тот убежал к сильному стороннику своему великому князю. Митрополит сам пошел к великому князю и много говорил на Геннадия. Он обвинял его, во-первых, за то, что Геннадий поступил самовластно — разрешил на пищу, не спросясь у митрополита; во-вторых, за то, что он обесчестил святую воду, которая дается оглашенным вместо причастия, а верным только в день Богоявления натошак, прежде антидора. Против таких доводов нечего было сказать, и великий князь выдал Геннадия митрополиту. Геронтий велел его сковать и посадить в ледник. Но недолго томился Геннадий. Великий князь и бояре его (в числе их и Кутузовы — Борис Васильевич и Юрий Шестак, тогда приближенные к великому князю) убедили бывшим у многих на памяти примером митрополита Ионы, уже чудотворца, простить Геннадия: Иона простил, «мало потязав» Феодосия архиепископа Ростовского, разрешившего в таком же случае накануне Богоявления есть мясо (ПСРЛ, т. VII, с. 234). Через два года после этого события, а именно в январе 1485 года, Геннадий поставлен был архиепископом Великого Новгорода и Пскова.

В летописях нет никаких известий о том, как принялся он за свою новую паству, которая не хотела покориться его предшественнику, первому назначенному Москвою архиепископу, и отзывалась о нем невыгодно, что видно из слов новгородского летописца о Сергии.

Но Геннадия ничем нельзя было испугать. Он был крепок разумом и силой и деятельно принялся за паству.

В Новгороде в то время господствовал ужас. Большие бояре были выведены оттуда. Наряду с только что придавленными, еще не затихнувшими страстями господствовало раздражение против Московской митрополии за пленение архиепископа Феофила. В духовенстве новгородском издавна коренилась нелюбовь к московской духовной власти.



Теперь это чувство усилилось — после отнятия половины сел и деревень от монастырей и церквей новгородских на великого князя Московского. Некоторые невежественные попы, дьяконы и клирики отличались, кроме того, безбоязненною дерзостью; долгое время не сдерживаемые рукой архипастыря, они отвыкли и от внешней благопристойности в соблюдении церковных обрядов. Легко было возмутить таких людей и без того раздраженных покорением и разграблением Новгорода и отнятием церковных имуществ.

За 15 лет до приезда Геннадия, когда новгородцы в последний раз призвали к себе князя, прибыл с Михаилом Олельковичем в Новгород жид Схария. Есть несомненные свидетельства, что он был очень ученый человек, по крайней мере, таким казался он русским его современникам.

Со Схарием прибыли и другие евреи, занесшие в Новгород новое учение. Некоторые из духовных лиц поддались новому учению и, в свою очередь, втайне увлекали других. Таков был наш ересиарх протопоп Алексей, наружным благочестием которого пленился великий князь Иван Васильевич в бытность свою в Новгороде и взял его с собою в Москву.

Та же непросвещенная часть духовенства, о которой мы говорили прежде, легко поддалась смущению. Ересь вызвала накипевшую издавна ненависть к поборам местных архиерейских десятильников, а затем к Москве и к насилиям. Ненависть эта слилась в одно с ненавистью к самой религии, на которую еретики наталкивали попов, диаконов и клириков. В числе семнадцати первых по времени еретиков, которых имена дошли до нас, было тринадцать духовных: шесть попов, два поповских сына, один дьякон, два дьяка и двое крилошан.

Ненависть еретиков к церкви выразилась грубым образом. О их нечестивых делах свидетельствуют Иосиф и Геннадий. Еретики новгородские не только истребляли кресты и иконы, но и выдумывали различные способы оскорбления этих священных предметов: кусали их, бросали в скверные места; спали на иконах и мылись на них, обливали их нечистотами; изображали срамные вещи на крестах и навязывали их воронам на хвост. Вдобавок оскорбляли иконы словами и дразнили лики святых непристойными движениями.

Первое сведение о ереси дошло до архиепископа почти случайно: четверо еретиков, в нетрезвом виде поссорившись, упрекнули друг друга в



нечестивых делах и тем обнаружили ересь. Геннадий прежде встретился с иконоборством и бесчинством грубых последователей Схарии, попов Алексея и Дениса, и в продолжение некоторого времени не знал ничего о еретиках-проповедниках и их учении. Уличив еретиков, Геннадий послал их в Москву и требовал, чтобы их предали городской казни. До нас не дошли Послания Геннадия к великому князю и митрополиту, равно как не дошло и розыскное или следственное дело о еретиках. Дело это называется в летописи: «подлинники архиепископа Геннадия», или «подлинные» его «списки». Вместе с подлинниками Геннадий препроводил к митрополиту тетрадь, почему они (еретики) молились по-жидовски и где псалмы были превращены на их обычай. После того Геннадий обратился с Посланием к Прохору, епископу Сарскому, жившему в Москве, на Крутицах, причем объяснял ему отчасти самую ересь и изобличал притворство еретиков. В Москве не горячо взялись за дело о еретиках, тянули его и Геннадия не слали ответа. Сам митрополит повел себя двусмысленно в этом деле. Таков был характер Геронтия: мстительный, придирчивый, скорее упрямый, чем самостоятельный. Прежде он отказывался от митрополии, когда в нем была надобность; теперь, когда великий князь Иван Васильевич, воспользовавшись отъездом митрополита на Симоново, советовался со старцем Паисием о замещении Геронтия другим лицом, митрополит не хотел расстаться со своим престолом и, по выражению современника, боялся державного. Он утратил уже прежний авторитет в то время, как получены были в Москве Геннадиевы грамоты о еретиках, почему и не стал крепко за дело, к которому великий князь относился мягко, оказывая покровительство некоторым из еретиков. Недовольный замедлением и проволочкою дела, Геннадий вновь обратился с Посланием, и на этот раз к Нифонту, епископу Суздальскому, прося его печаловаться перед великим князем и митрополитом, чтобы «потщались тому делу исправление учинити, занеже ныне, как продлилось то дело, обыск ему не крепок чинитца». В этом же Послании Геннадий описывает ужасный для слуха верующих поступок двух еретиков, из которых один оказался племянником еретика Гриди Клоча, внесенного Геннадием в подлинники. Вскоре (через месяц) после этого Послания к Нифонту, противень с которого был отправлен к другому епископу, Филофею Пермскому, Геннадий получил от великого князя и митрополита ответ о еретиках.



В нем Геронтий говорит о получении грамот Геннадия к нему и великому князю и отдельно упоминает о списках: «Да и списки еси на тех ересников прислал к нам, почему еси обыскивал, как они хулили Сына Божия и пречистую его Матерь». Геронтий объявляет, что великий князь с ним и со всем православным собором рассудили дело о еретиках, признав виновными в ереси троих: попа Григория, попа Ересима и попа Григорьева сына, Самсона диакона. Этим троим предали в Москве градской казни. Известие об ней, занесенное в летопись, свидетельствует, что и сам летописец в то время имел еще смутное понятие о новой ереси. Обвинив троих, Московский собор не подверг отлучению от церкви, проклятию и казни Гридю Ключа — диака. «Не дошел еще по правилу градские казни, потому что на него один свидетель, поп Наум», — пишет Геннадию Геронтий.

Послание свое митрополит заключает такими словами: «А князь великий приказал с тобою того дела обыскивати наместником Якову да Юрию Захариичем. И ты бы с ними того дела обыскивал вместе и которые дойдут по правилу твоей святительств духовные казни и ты их духовные казни, а которые дойдут градские казни, ино тех наместники великого князя казнят градскою казнию. Да обыскивал бы еси, сыну, то дело прилежно, чтобы христианство в взмушени не было, а церковь бы Божия безмятежна была».

Из этого не видно, чтобы Геронтий стоял за ересь. Но его, строгого ревнителя буквы закона, никто и не обвиняет в сочувствии к ереси, а только в слабости. Ему следовало с большей горячностью ополчиться на ересь и не снимать опалы с еретика Гриди Ключа. По крайней мере, так думал современник его Иосиф: «И сам (Геронтий) убо христианская мудроствуй, о прочих же ни мало попечеса, погибающим, о увы мне, христовем овцам еретическим учением, или грубостию с держимь, или нерадыше о сих, или бояшеса державнаго». Последняя причина, что Геронтий боялся державного всего возможнее. Еретиков обратно послали к Геннадию в Новгород.

Из заключительных слов Послания Геронтиева к Геннадию мы видели, что этому последнему было приказано разыскивать ересь вместе с наместниками великого князя двумя братьями Яковом и Юрием Захарьевичами Кошкиными.



О ревности Геннадия в преследовании еретиков свидетельствует тот же Иосиф, говоря, что Геннадий из чаши божественных писаний устремился как лев, чтобы ногтями растерзать внутренности скверных еретиков, напившихся жидовского яда. Дело о первых еретиках окончилось зимою 1488 года. Год этот был несчастлив для Новгорода и Москвы. В Новгороде наместник Яков Захарьевич Кошкин совершал лютые казни (сек и вешал новгородцев) «понеже хотели убить наместника», и в эту же зиму более 7000 новгородцев были уведены из Новгорода в Москву. В Москве, под самый светлый праздник, прошел слух о предстоящем пожаре: в сенях великокняжеского дворца чернец из Галича прокричал ужасное пророчество. Страх распространился по городу, и купцы уже выносили товар из лавок. Но лето подходило к концу, пророчество все еще не сбывалось, как вдруг 13 августа загорелась деревянная церковь Благовещения на болоте и пламя истребило все богатые дома, двор и городовую стену, и мосты, и множество зданий городских, и до 30 церквей. Сгорел и дом митрополита Геронтия и только что отстроенный дворец великого князя. Слабый духом Геронтий не вынес потрясения: к следующей весне 1489 года его не стало.

В это время главные еретики находились в Москве. Еще за девять лет до этого поп Алексей и поп Денис привезены были самим великим князем из Новгорода в Москву и определены им в протопопы, первый к Благовещенью, второй — к Архангелу. Тогда Геннадий был в Москве. Он, как видно, в продолжении пяти лет, до самого отъезда в Новгород, ничего не знал о существовании ереси.

Алексей и Денис не принадлежали к тому разряду грубых еретиков, о которых было говорено выше. Они оба были первыми учениками жида Схарии (по свидетельству Иосифа Волоцкого) и прельстили великого князя умом своим и книжным образованием. Они поняли, как им должно вести себя в Москве и вели себя осторожно «таились, как змеи в скважине», по выражению Иосифа; но в то же время тайно распространяли еретическое учение. Наконец им удалось образовать кружок из грамотных людей, разделивших их мнения. Из лиц этого кружка известен более других Федор Курицын, дьяк великого князя, бывший не раз в Литве, посылавшийся послом в Волошскую землю, по поводу брака великого князя Ивана младого, Ивановича, с Еленою, дочерью воеводы Стефана. Курицын, также



как и протопоп Алексей, «прилежал», по словам Иосифа, «звездозаконию и многим баснотворениям, чародейству и чернокнижию». Кроме этого современного свидетельства о многосторонней учености Курицына, мы имеем догадку о том, что он привез из Венгрии известную повесть о Дракуле. Имеем также Лаодикийское послание, переписанное им в ту пору, когда он был уже осужден за ересь.

В этом кружке находился какой-то Мартынка, которого Курицын вывез из Угорской земли. Из москвичей в него попали крестовые дьяки великого князя, Истома да Сверчок и купец Семен Кленов. Последние трое, по свидетельству Иосифа, многих научили жидовству. О Семене Кленове сохранилось сведение, что он письменно излагал свои религиозные убеждения. Между еретиками находился еще какой-то Иван Черный, которого современник отличил в своем рассказе тем, что он книги пишет. Зять протопопа Алексея, новгородский еретик Иван Максимов был тут же среди московских еретиков и ему-то и довелось склонить к ереси вдову Елену Стефановну, невестку великого князя. Кружок собирался ни у кого другого, как у Курицына. Еретики толковали между собой о вере и по выражению современника поучались на православных.

Влиятельный Курицын, а с ним и другие достигли того, что преемником Геронтия был избран человек из их среды.

В сентябре 1490-го (когда настал 6999 год) поставлен был на митрополию архимандрит Симоновский Зосима. Он, как еретик, не мог, само собою разумеется, не питать вражды к Геннадию. И вот послал он в первый же месяц по своем поставлении к архиепископу Новгородскому с требованием от него исповедания, какое обыкновенно давали архиереи при своем поставлении. В ответ на такое требование Геннадий написал митрополиту Послание. Из него видим, что Геннадий оскорбился требованием исповедания, которое он, при своем поставлении, положил «пред митрополита Геронтия». Узнаем также, что как митрополит, так и сам великий князь не желали видеть Геннадия в Москве.

Почти одновременно с этим требованием великий князь и митрополит, каждый в свою очередь, прислали Геннадию грамоту о том, чтобы он изъявил согласие на поставление владыки на упраздненный престол Коломенской епископии, но не сообщили ему имени того, кому надлежало быть епископом. Геннадий не захотел дать такой



безымянной отписи: «Аз отписи даю такие законные, как оные братья наши давали», писал он к собору епископов и просил митрополита и великого князя сообщить ему имя будущего Коломенского владыки, а равно и впредь именовать ему тех, кого случится ставить в архиереи.

Около того же времени, преследуя по-прежнему еретиков, Геннадий допрашивал возвратившегося из Москвы Самсонко и на допросе узнал от него подробности о кружке Федора Курицына и обо всех тех лицах, которые бывают у великокняжеского дьяка. Этот Самсонко оказался еретиком, как подтвердило следствие, которое по обыкновению Геннадий производил не один, а со своим боярином, с игуменами, священниками и с двумя боярами великого князя и с его же боярскими детьми, как пишет он сам в своем Послании к собору.

Самсонко передан был Геннадием гражданскому суду. Его пытали. В Москве стали говорить, что Геннадий мучил Самсонко. «Аз ли того Самсонка мучил», — защищается Геннадий в Послании к собору епископов, — «ведь пытал его сын боярской великого князя, а мой только был сторож, чтобы посула никто не взял». После этого в Москве перестали доверять его обыскам.

Между тем в Новгороде появилось вновь иконоборство, и среди многих нечестивых поступков особенно резко выдался поступок, ужаснувший набожную душу Геннадия. Подьячий Алексей Костев, живший на поместье в Новгороде, напился пьян, влез в часовню, «да сняв с лавицы икону пречистые на нее скверную воду спускал и иные иконы в верх ногами переворочал». Этот нечестивый поступок дошел впоследствии до сведения Досифа.

Но всего тяжелее для Геннадия была борьба с чернецом Захаром. Около Новгорода, в Немчинове был монастырь, в котором настоятелем был чернец Захар. Пришли раз к Геннадию чернецы этого монастыря и жаловались на Захара, что он уговорил их отойти от своего государя, князя Бельского, у которого они были боярскими детьми, и вот прошло три года, как он не дает им причастия и сам не причащается. Геннадий призвал к себе Захара.

«Зачем ты так чинишь и три года не причащался?» — спросил Захара Геннадий. «Грешен есми», — отвечал Захар. И Геннадий опять спросил его: «Зачем ты перестриг детей боярских, от их государя отвел их и от



Бога отлучил — три года не давал им причастия?» Тогда Захар отвечал ему: «А у кого причащаться? Попы по мзде ставлены, митрополит же и владыки тоже по мзде ставлены». «Митрополита ставят не по мзде», — возразил Геннадий, на что Захар ему молвил: «Коли в Царьград ходил митрополит ставитися и он патриарху деньги давал. А ныне он бояром посулы дает тайно, а владыки митрополиту дают деньги — ино у кого причащаются?»

Тогда Геннадий, как сам он выражается, познал, что Захар — строгольник, и вслед за тем сослал его в пустыню, на Горнечно (?).

Через несколько времени получил архиепископ грамоту о чернеце Захарии от самого великого князя.

Грамота повелевала Геннадию наказать духовно Захара и затем отпустить его в свой монастырь, в Немчиново. Архиепископ исполнил повеление, отослал Захара в Немчиново, но с тем вместе взял с него клятвенную запись его руки. Захар обязывался ею — иметь отца духовного и причащаться, ручался также и за чернецов, что они также будут принимать причастие.

Горько было узнать Геннадию, что Захар престулил клятву, в монастырь свой не попал, а отправился в Москву, и там клятвопреступник и еретик нашел себе защиту.

Желая подорвать значение Геннадия, Захар стал рассылать по всем городам грамоты и в них писал, что Геннадий — еретик.

Этот последний поступок Захара задел Геннадия за живое, и он решился действовать как против Захара, так и против еретиков вообще.

На вышеупомянутые требования митрополита Геннадий отвечал Посланием. В нем, между прочим, он говорит митрополиту о еретиках, что некоторые из них, искренно покаявшиеся, подверглись епитимии, потом же бежали в Москву, где нашли себе опору. Геннадий прямо указывает на Федора Курицына, что он главный заступник еретиков и ходатай за них; жалуется и на чернеца Захара; упрекает великого князя за нежелание призвать его, Геннадия, в Москву. От самого Зосимы Геннадий требует созвания собора на еретиков и смело указывает митрополиту на великие обязанности первосвященника, и убеждает его быть строгим обличителем ереси жидовствующих.



До Геннадия дошел слух, что в Москве хотят соборовать о вере и в то же время требуют от него согласия на поставление Коломенского владыки. Геннадий воспользовался своим правом, не исполнив требования дать безымянную отпись на поставление Коломенского епископа, и одновременно с ответными грамотами великому князю и митрополиту, написал соборное Послание к архиепископу Ростовскому и Ярославскому Тихону и к епископам: Нифонту Суздальскому и Тарусскому, Вассиану Тверскому, Прохору Сарскому и Подонскому и Филофею Пермскому. Все эти иерархи, со времени поставления митрополита, находились в Москве и их пребыванием хотели воспользоваться для хиротонии Коломенского владыки.

В своем Послании Геннадий объявляет собору, что он не дает согласия на поставление Коломенского владыки и убеждает владык стать на еретиков. Рассказав о нечестии Алексея Костева и о борьбе своей с Захаром чернецом, Геннадий указывает на Курицына как на начальника еретиков. «Пишу за тем, — говорит Геннадий, — чтобы митрополит еретиков с вами моею братьею проклял, и тех, кто их руку держит, кто печальник».

Геннадий излагает епископам причины, по коим он не дал отписи на поставление Коломенского владыки. Твердо и решительно говорит он: «Доколе ересь не докончается да от Захара мене не оборонят и мне отпись нельзя дати... А владыки не спешили бы есте ставить, — продолжает стойкий архипастырь, — доколе ереси не искорените» и далее: «А писано ведь в правилах св. апостол како владыку поставити, а ваши архимандриты и протопопы и попы соборные с еретики служили, ино ведь иному отлучение, а иному отвержение писано».

О соборе, на котором хотели заводить прение о вере, Геннадий говорит: «И вы бы на то не дерзнули, занеже изложена нам православная вера».

За место этого собора Геннадий вновь требует собора на еретиков, говорит, что они, как иконоборцы и тайные еретики, от которых нельзя уберечься, достойны сугубого проклятия.

Геннадий просит учинить собор, чтобы их казнить, жечь и вешать, потому что они, взявши покаяние и епитимию у него в Новгороде, сбежали.



«Да пытали бы их на крепко о том, кого они прельстили, чтобы было вестно, занеже их искоренят, а уже отрасли есть. Да не плошите, станьте крепко, чтобы гнев на нас не пришел да не како человекоугодники обрящемся и со Иудею Христа продающе: они иконы щепляют, режут, Христу поругаются, а мы их учрежаем, да их воле сходим»...

Послание это оказало свое действие. Архиереи потребовали собора. Зосима не мог противодействовать и принужден был собрать собор. Он состоялся 17 октября 1490 года. Но Собор собрали только на новгородских еретиков. Прокляли протопопа Новгородского Гаврилу (Алексей протопоп уже умер), Дениса, попа Архангельского, и других попов, диакона Макара, дьяка Гридю Борисоглебского и прочих новгородцев, которых послали для наказания в Новгород к архиепископу Геннадию. Мы увидим далее, как Геннадий наказал своих врагов и врагов церкви, а теперь возвратимся к Иосифу.

Среди забот в борьбе с еретическим учением Геннадий мог вызвать на такую же борьбу игумена Волоцкого, начитанность которого была ему известна. До Иосифа доходили частые слухи о ереси и из Новгорода, куда часто у него были посылки, и из Москвы, где были у него связи, где в числе духовенства были друзья его, — боровские постриженники и где находился младший брат его Вассиан, а из светских — друг детства его Борис Васильевич Кутузов.

В октябре 1492 года, когда исполнилось 7000 лет, на соборе, в Москве поручено было Геннадию составить Пасхалию на 8-ю тысячу. Архиепископ занялся этим важным делом. Он предпослал Пасхалии предисловие, где доказывал от Священного Писания несостоятельность верования, по которому ждали, по исполнении 7 тысяч, кончины мира. Итак, Геннадий занялся делом важным, долженствовавшим успокоить умы, тем более что еретики воспользовались одним поколебавшимся верованием для ниспровержения других.

Имея в лице митрополита покровителя, московские и новгородские еретики стали открыто — на рынках, на улицах, в домах — толковать Писание.

В это-то время Иосиф Волоцкий сказал себе: «Настало время труду, время течению и подвигам».



Первым письменным памятником его открытого вмешательства в борьбу с жидовствующими следует считать его *Послание к Нифонту, епископу Суздальскому и Торусскому*.

Из самого Послания видно, что оно писано во время Зосимы митрополита: «Ныне на темь же престоле сидит скверный и злобесный волк». Следовательно, писано после 1490-го и прежде 1494 года. Но Нифонт присутствовал на Соборе 1492 года, а из Послания видно, что он находится под опалой. Из таких обстоятельств профессор Казанский выводит предположение, что Послание писано уже после 1492 года. Послание это, как можно полагать, относится к 1493 году, когда Зосима, перестав таиться, стал открыто брать сторону еретиков и вместе с тем, несдерживаемый уздой Божьего страха, стал предаваться ужасному пороку своего времени и пьянству. Нифонт присутствовал на первом соборе против жидовствующих еретиков и на нем держал себя как следует защитнику православия. Нифонт был в переписке с Иосифом, и самое разбираемое нами Послание писано было в ответ на грамоту Нифонта, в которой этот епископ просил Иосифа разрешить его сомнение, действительно ли проклятие, когда оно исходит от еретика?

Иосиф отвечает ему на этот вопрос отрицательно: «А что еси, господине, ко мне писал, аще проклянет еретик христианина, то последует ли ему божественный суд, то еретическое проклятие в проклятие ли, или ни во что? Ино, ты сам, господине, ведаешь, что мнози еретики христиан проклята, не последова им божественный суд, но клятва их на них возвратися».

Ответ свой Иосиф подкрепляет сперва примерами из церковной истории, потом многими доводами из Священного Писания. Главный довод тот, что Иисус Христос сказал апостолам: «примите дух свят» и с тем вместе дал власть вязать, решать и отпускать грехи; стало быть, только посвященные лица могут вязать и решить, еретики же, имея в себе дух нечистый, сатанин, не могут действовать посредством Святого Духа.

Но многие доводы все-таки кажутся Иосифу не совсем достаточными: «Подобает же и некая свидетельства сему еще приложити от божественного писания» — прибавляет он и переходит к примерам из житий святых, к которым Иосиф всегда любил прибегать в подтверждение своих



доводов. Эти живые примеры действуют сильнее на чувства верующего, потому что в них не только факт, но и последствия факта.

«Великого Симеона, иже на дивней горе чудотворца», из зависти проклял один пресвитер, и вот пришли к нему многие бесы, и связали его так, что он не в силах был читать Евангелие. Другие два примера: из жизни святого Афанасия Александрийского и святого Анастасия Синайского закрепляются выпискою из святых правил: что чести, а не отлучению подлежат те, которые из-за ереси покинули свое епископство (т.е. вышли из-под власти своего иерарха). На основании постановлений Святых семи вселенских соборов, проклинавших еретиков, Иосиф вновь доказывает несостоятельность мнения о том, что еретическое проклятие имеет у Бога силу. Доказывая, что самое проклятие еретика вменяется в благословение, Иосиф сравнивает проклинающих еретиков с эллинами и иудеями — гонителями апостолов. Потом обращается к Евангелию и в нем находит подкрепление своему мнению о проклятии еретиками правоверующих.

Мы не можем не выписать этого места потому, что в нем особенно отпечатлелся образ мыслей Иосифа и вместе с тем его умение приспособить текст Евангелия к своему образу мыслей.

«Господь наш Иисус Христос рече: Блажени есте егда поносят вы и рекут всяк зол глагол на вы лжуще мене ради. И паки рече: Не приидох вложить мир, но рать, и ниже: приидох бо разлучити человека на отца своего и дочь на мать свою, а врази человеку домашнии его. Се есть рать. Ино же, егда отец или мати, их сын и дщи совратитя от правыя веры, подобает ненавидети их и отвращатися, и бегати от них, яко да не с ними погибнем».

Епископ Нифонт спрашивал Иосифа о еретическом проклятии; Иосиф в ответе своем объясняет недействительность проклятия, если его изречет еретик — епископ, митрополит и даже патриарх. Очевидно, что Нифонт, как защитник православия, опасался страшного орудия, бывшего в руках еретика Зосимы, еще митрополита и его начальника.

Но Иосиф в Послании своем к епископу не ограничился ответом на то, о чем его спрашивали; ответ на запрос Нифонта составляет только вторую часть письма. Первая и большая по объему посвящена советам Нифонту — стать за Христа и православную веру. Увещание это написано



сильно и с горячностью. Видно, что ересь была предметом ужаса и глубокого огорчения для Иосифа. Он начинает с Зосимы и, не щадя красок для очернения еретика-митрополита, тут же, среди проклятий, высказывает все, что знает о нем, об его ереси и об его скверных делах. Известна тебе, государю моему — пишет Иосиф — нынешняя великая беда, постигшая Русскую землю и все православное христанство. В великой церкви Пречистой Богородицы, сияющей как второе солнце посреди всей Русской земли, на том святом престоле, где сидели святители и чудотворцы Петр и Алексий и другие многие великие православные святители, ныне сидит скверный и злобный волк, одетый в одежду пастыря, саном святитель, а по воле своей Иуда предатель и причастник бесом... Осквернил он святительской престол, одних уча жидовству, других содомски скверня. Змей пагубный, мерзость запустения на месте святе, отступник Христов, он не только сам отступил от Христа и прилепился диаволу, но и других учит от Христа отвергаться. Он первый из святителей нашей земли — отступник и предтеча антихриста. Свински живя, он поджидает антихриста. Сын погибели, он Сына Божия попрал, похулил Пречистую Богородицу и всех святых унизил; икону Господа нашего Иисуса Христа и Пречистой его Матери и иконы всех святых называет болванами. Отвергая Евангельские предания и апостольские уставы и писания всех святых, он говорит: нет Второго Пришествия Христова, а святым нет царства небеснаго; кто умер, тот только до тех пор и существовал, пока не умер. Никогда не бывало такого злодея между древними еретиками и отступниками.

Всю надежду на спасение Русской земли от ереси Иосиф возлагает на Нифонта. «И ныне, господине, о том стати на крепко некому, опроче тебя, государя нашего» — и несколько далее: «Глава бо еси всем и на тебе вси зрим; и тобою очистит Господь свою церковь и все православное христанство от жидовские и пагубныя и скверныя ереси», Иосиф сулит епископу в царстве небесном награду, равную награде св. исповедников, и в след за тем напоминает ему о хорошем времени благоденствия и мира.

Вероятно, тут он имел в виду те года второй половины XV века, когда выступил он сам и другие современные ему монахи на путь подвига и благочестия. Это время появления подвижников было вместе с тем и временем распространения благочестия и грамотности между боярами и служильными людьми. Там и сям, в непроходимой глуши и в городах воз-



никал монастырь за монастырем. В Москве возвысились чудные храмы и мощи святителей ее возблагоухали святостью.

Если в смутное время мы порадовались со Христом — продолжает Иосиф — и были его любимцами, то не будем ему врагами в ратное время. Иисус распят был за нас безгрешный; неужели и мы за распятого нас ради не постраждем? Затем Иосиф просит епископа вспомнить святых исповедников, до крови о благочестии пострадавших и указывает на их славу и благолепие, «гробы их фимиамом мирисают и мощи их цветут яко благоуханный цвет». Потом говорит, что в нынешние последние времена «плотейшия паче всех времен» пришло то отступление, о котором предрек апостол Павел. Отступление это Иосиф видит в том, что ересь распространяется: многие держат ее в тайне; везде — в домах, и по дорогам, и на торжищах иноки и миряне, и все сомневаются и пытаются о вере. Под влиянием еретиков — сыновей и зятя ересиарха протопопы, учатся жидовству, у них и у самого «сатанина сосуда» митрополита, к которому ходят и даже спят у него.

Расположив епископа к подвигу вообще, Иосиф, в частности, указывает на то, что именно надо делать Нифонту: он просит его научить всех православных христиан не ходить к Зосиме, не брать у него благословения, не есть и не пить с ним, угрожая в противном случае осуждением и вечным огнем. Иосиф боится, чтобы Нифонт не усомнился в истине взводимых им на Зосиму скверных дел, потому что находятся люди, которые уверяют, что ничего бесчинного за митрополитом нет. Иосиф уверяет, что есть достоверные свидетели на митрополита и их свидетельства слышал и сам он, Нифонт. Это последнее находится в прямой связи со словами Иосифа (тотчас по объяснении скверных дел Зосимы): «Сказывал ти, государю моему, брат мой Вассиан». Брат Иосифа был в то время в Москве, и Иосиф действовал чрез него.

Опровергнув отзывы, оправдывающие Зосиму, Иосиф переходит к новому опровержению. Он восстает против еще «иных», которые проповедовали терпимость: «А иные, господине, говорят, что грех еретика осуждати».

Речь об этом кончается прославлением Святой Троицы и словом «аминь». И тут только, в виде приписки, следует разобранный нами выше ответ Иосифа Нифонту о еретическом проклятии. Тон всего письма

Научно-популярное издание

Тайны Земли Русской

Смирнов Виктор Григорьевич

**ГОСУДАРЕВЫ ВОЛЬНОДУМЦЫ
Загадка Русского Средневековья**

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Корректор *Б.С. Тумян*

Дизайн обложки *М.Г. Хабибуллов*

Верстка *И.В. Левченко*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

129337, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.03.2011. Формат 84 × 108 1/32.

Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 8. Тираж 3000 экз. Заказ Р-335.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии филиала ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.
E-mail: idelpress@mail.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»

ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 948-40-71, (499) 948-40-72, 948-40-73.

Интернет: www.veche.ru

Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».

Тел.: (499) 948-40-70.

E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!

Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»

115419, г. Москва,

2-й Рощинский проезд, д. 8, стр. 4.

Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79

www.labyrinth-shop.ru

В Санкт-Петербурге:

ЗАО «Диамант» СПб.

г. Санкт-Петербург, пр. Обуховской Обороны, д. 105.

Книжная ярмарка в ДК им. Крупской.

Тел.: (812) 567-07-26 (доб. 25)

В Нижнем Новгороде:

ООО «Вече-НН»

603141, г. Нижний Новгород, ул. Геологов, д. 1.

Тел.: (831 2) 63-97-78

E-mail: vechenn@mail.ru

В Новосибирске:

ООО «Топ-Книга»

630117, г. Новосибирск, ул. Арбузова, д. 1/1.

Тел.: (383) 336-10-32, (383) 336-10-33

www.top-kniga.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»

г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.

Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.

E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»

в московских книжных магазинах:

ТД «Библио-Глобус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский Дом книги», «Букбери», «Новый книжный».

Ересь «жидовствующих» считается одним из самых загадочных явлений Русского Средневековья. Многие историки задавались вопросом, как в такой сугубо православной стране – России XV века – могло возникнуть еретическое движение, захватившее высшие круги власти, посеявшее сумятицу в душах простых людей и завершившееся показательными казнями на городских площадях? Историк и писатель Виктор Смирнов пытается непредвзято разобраться в этом непростом эпизоде русской истории, где политика теснейшим образом соединилась с религией.

ISBN 978-5-9533-2743-5



9 785953 327435

ВЕЧЕ
20 лет